

«ВЕРЧЕНЬ/БЕРЧАТЬ» ИЛИ ВСЕ-ТАКИ «БЕБРЯНЬ» РУКАВ?
(По поводу статьи И. В. Лемешкина)

До недавнего времени существовало два толкования слова *бебрянь* в выражении «Слова о полку Игореве» «*омочю бебрянь рукавь въ Каяль рѣць, утру князю кровавыя его раны на жестоцгьмъ его тгль*». Первоначально исследователи «Слова...» считали, что прилагательное *бебрянь* образовано от слова бобръ/бебрь и означает 'изготовленный из шкурки бобра', полагая при этом, что речь идет о рукаве женской одежды, отороченном мехом бобра. В 1950-е гг. вышли статьи Н. А. Мещерского¹, который на примерах переводных древнерусских памятников XI–XII вв. «Повести об Акире Премудром» и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия показал, что прилагательное *бебрянь* образовано от существительного *бебрь*, которое могло выступать и как название драгоценной ткани — виссонной² или шелковой. На основании приведенных Н. А. Мещерским примеров слова *бебрь* и *бебрь (беберь)* в значении *шелковая ткань* приведены в «Словаре-

© Соколова Л. В., 2019

¹ Мещерский Н. А. 1) К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 198. Л., 1956. Филол. ф-т. Сер. филол. наук. Вып. 24. С. 3–9; 2) К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 43–48; 3) К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка: (По материалам переводных произведений Киевского периода) // Византийский временник. М., 1958. Т. 13. С. 246–261.

² Виссон (*visson*) — тончайшая, нежнейшая ткань древности, белая, реже золотистая. В нее облачались греческие аристократы, римские императоры и патриции, первосвященники древней Иудеи и Византии. Эта драгоценная ткань неоднократно упоминается в античных источниках и в Библии, где «чистый и светлый виссон» служит эмблемой праведности, святости и нравственной чистоты (Отк. 19:8, 15:6, 19:14). См.: Виссон // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 т. СПб.: Типография И. А. Ефрона, 1892. Т. 6 (11). С. 544; Виссон, Лен (*linen*) // Словарь библейских образов / под ред. Л. Райкена и др.; пер. с англ. Б. А. Скороходов, О. А. Рыбаков. СПб., 2005. С. 145–146.

справочнике «Слова о полку Игореве»³ и в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»⁴.

Слово *бебрянь* означает в «Слове о полку Игореве», по всей вероятности, именно *шелковый*, а не виссонный. После того как византийскому императору Юстиниану I удалось в середине VI в. (550 г.) заполучить сырье и способ изготовления китайского шелка, популярность крайне дорогого виссона⁵ в Европе пошла на убыль, со временем его производство почти полностью прекратилось. Однако и шелк был дорогим. Изготовление шелковых тканей и пурпурового красителя стало в Византии государственной монополией. В производстве шелка весь процесс (от покупки сырья до продажи продукции) был закреплен за отдельными корпорациями; с каждой операции государство получало пошлину, и к концу цикла ткань стоила гораздо дороже сырья (метаксы), которое покупалось буквально по цене золота⁶.

Казалось бы, вопрос решен окончательно: *бебрянь* в «Слове о полку Игореве» означает 'шелковый'. Но в 65 томе «Трудов Отдела древнерусской литературы» опубликована статья доктора наук (*Dr. habil.*), доцента кафедры славистики и балканистики философского факультета Карлова университета (Прага) Ильи Васильевича Лемешкина «*Бебрянь vs. *верчень/*берчать рукавь»⁷. В ней исследователь выразил сомнение в том, что в авторском тексте «Слова о полку Игореве» было использовано слово «бебрянь». Каковы его аргументы?

³ Бебрян // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 вып. / сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965. Вып. 1. С. 42–43.

⁴ [Бебрь]1 и Бебрь (Беберь) // Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 84. Далее при ссылках на это издание используется сокращение СлРЯ XI–XVII вв.

⁵ Виссонную ткань производили из белковых нитей моллюска средиземноморской пинны благородной, которыми она закрепляется на камнях под водой (отсюда второе название ткани: морской шелк). Одна особь производит 1–2 грамма нити, поэтому, чтобы выработать 200–300 граммов виссона, необходимо отделить от камня и обработать тысячу моллюсков.

⁶ Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 39.

⁷ Лемешкин И. *Бебрянь vs. *верчень/*берчать рукавь // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 43–61. Далее ссылки на статью даются в тексте; в круглых скобках указывается страница, на которой читается цитируемый текст.

И. Лемешкин сомневается, что в «Повести об Акире Премудром» слово *бебрь* означало тонкую виссонную ткань, тем более в том, что из нее могли шиться рукава: «Сомнительно, что такая тончайшая, т. е. хрупкая, ткань вообще использовалась при пошиве рукавов» (с. 47, прим. 14). Сомнительным представляется исследователю и слово *в бевряных* (ризах) из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Он пишет: «Форма *бобраный ‘шелковый’ в “Истории Иудейской войны” относится к числу реконструированных, причем за основу такой формальной и семантической реконструкции взята “параллель” из “Слова”» (с. 44). По мнению исследователя, «правомерно ставить вопрос о точности при воспроизведении текста древнерусскими книжниками или первыми издателями памятника» (с. 46). Таким образом, — заключает И. Лемешкин, — «примеры, долженствующие объяснить выражение *беврянь рукавъ*, взяты из переводных памятников. Их статус неясен. То ли это окказиональное заимствование иноязычной лексики, которая так и осталась на периферии книжного словоупотребления (в переводных памятниках), то ли элементарная ошибка, когда переводчик, не найдя в древнерусском языке адекватного соответствия, перевел текст дословно» (с. 45—46).

Что касается «Слова о полку Игореве», то, по мнению исследователя, в нем не могло быть слова *беврянь*, известного только по переводным книжным памятникам, поскольку «будучи оригинальным произведением, “Слово...” использует иной регистр древнерусского языка. В особенности это распространяется на плач Ярославны, где в рамках *похоронно-минального жанра*⁸ книжным элементам в принципе не должно быть места. С какой стати Ярославне причитать в выражениях, известных только горстке переводчиков XI—XII вв.?» (с. 46). (Курсив мой.)

В дальнейшем изложении И. Лемешкин исходит из предположения, что «древнерусский книжник переосмыслил непонятное место «Слова», т. е. по своему усмотрению изменил переписываемый источник» (с. 47—48). По мнению автора статьи, слово *беврянь* было внесено в «Слово о полку Игореве» переписчиком

⁸ Это сомнительное утверждение о «жанре» Плача Ярославны нуждается в критическом рассмотрении, что в задачу настоящей статьи не входит.

Мусин-Пушкинского списка. Он якобы нашел в «Повести об Акире Премудром», непосредственно предшествовавшем «Слову...» в Мусин-Пушкинском сборнике, выражения *одевали бевромъ* и *одевали в беверь*. То слово авторского текста, которое было заменено переписчиком Мусин-Пушкинского списка на *беврянь*, по мнению И. Лемешкина, нужно искать «в типологически родственных памятниках»; такими, как он полагает, являются былины, поэтика которых якобы «чрезвычайно близка» «Слову о полку Игореве».

В двух прозаических литературных пересказах былины о Михаиле Потыке, читающихся в рукописных сборниках XVIII в.⁹, в одном и том же контексте встречаются выражения *берчат рукав* и *верчен рукав*. Значение этих слов И. Лемешкин определяет так: «Эпитеты *берчат*, *верчен* с большой степенью вероятия обозначают определенный вид рукава, а именно — *съемный, накладной* (т. е. *декоративный, внешний, находящийся поверх иного*) *рукав женского платья*» (с. 54). Слово *верчень*, по мнению И. Лемешкина, было определением рукава и в авторском тексте «Слова о полку Игореве», где «так же, как в плаче Добрыни¹⁰ и былине о [Михаиле] Потыке, речь идет, по всей видимости, о съемном, накладном рукаве». Подытоживает И. Лемешкин свое исследование так: «Учитывая значение выражения **верчень рукавъ*, семантику первой реплики вопленицы (т. е. Ярославны. — Л. С.) можно интегрировать следующим образом: “*Полечу кукушкой по Дунаю, омочу [сорванный с плеча длинный, съемный, накладной, пришитый на живую нитку] рукав в Каяле реке и [как полотенцем] утру князю кровавые раны*”» (с. 61).

Попробуем разобраться в этой многоступенчатой или, по выражению самого автора, громоздкой реконструкции, построенной «с большой степенью вероятия» (с. 54), и показать, что все основные тезисы И. Лемешкина не выдерживают критики.

⁹ Эти пересказы «Былины о трех богатырях: Илье Муромце, Михаиле Потыке и Алеше Поповиче» опубликованы в кн.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960. С. 165—170 (№ 36) и с. 175—180 (№ 38).

¹⁰ Имеется в виду фрагмент былины «Добрыня Никитич и Алеша Попович», в котором Добрыня жалуется матери на свою судьбу.

I. Означало ли слово *бебрянъ* изделие из тонкой, драгоценной ткани?

Напомню примеры употребления этого слова из переводных древнерусских памятников, приведенные Н. А. Мещерским.

В древнерусском переводе с греческого «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, осуществленном в XI или в XII в., слово *бебряный* встречается в сцене триумфального въезда императора Веспасиана и его сына Тита в Рим после покорения ими Иудеи: «... и *внидѣ Еуспацианъ с Титом, вѣнчана вѣтвѣми дафинными и облячѣна в ризы перфирныя, и идоста въ Охтауиныи исход ... Стояху же без оружиа въ ризах багряных, вѣнчани дафиньи»* (кн. VII, 5,4). Слово *багряных* здесь является ошибкой писца, в других списках, как указал Н. А. Мещерский, оно передано иначе: *бебрянях* (Волок.), *бѣбрьнах* (Сол.), *бѣбриях* (Ак.). Прилагательному / *в бебрянях* / *в бѣбрьнах* / *в бѣбриях* в греческом тексте соответствует слово *σπριμαῖς* «в шелковых»¹¹.

А. А. Пичхадзе отметила, что «прилагательное с суффиксом **-лн-** от названия бобра, кроме «Истории [Иудейской войны]», отмечено только в «Слове о полку Игореве»: *бебрълнъ*; во всех славянских языках распространены исключительно производные с суффиксом **-ов-**. <...> Названия мехов в славянских языках обычно образуются при помощи притяжательных суффиксов; нетривиальное образование с суффиксом **-лн-**, по-видимому, объясняется тем, что и в «Истории Иудейской войны», и в «Слове о полку Игореве» речь идет не о мехе, а о названии дорогой ткани»¹².

Существительные *бебрь* и *беберъ* читаются в древнеславянском переводе «Повести об Акире Премудром», осуществленном не позднее XI в., вероятно, в Болгарии с сирийского оригинала: 1) «...и *прияхъ сестричица своего Анадана въ сына мъсто. И младѣ бѣ, и дахъ одоити ѹ, воскормих ѹ медомъ и виномъ, и одѣхъ ѹ бебромъ и брачиномъ»*¹³; 2) «...поими 1000 дивиць целяди моя ... *одѣвши*

*а и в беберъ и въ бранину, да мя оплачють»*¹⁴. Параллельные места в иноязычных версиях данной повести, по указанию А. Д. Григорьева, — «тонкое полотно и пурпур» (сирийский текст), «шелк и пурпур» (арабский), «виссон и пурпур» (армянский)¹⁵. Таким образом, слово *бебрь/беберъ* обозначает в «Повести об Акире» тонкую драгоценную ткань.

По мнению И. Лемешкина, заключение о том, что данная материя (*бебрь*) была тонкой, как виссон, сделано только на основании косвенных свидетельств — переводов «Повести об Акире Премудром» А. Д. Григорьева, «который не владел ни сирийским, ни арабским, ни армянским языками» (с. 47)¹⁶. Однако, как ни странно, сам И. Лемешкин при этом не приводит параллельные чтения в иноязычных версиях «Повести об Акире» и не дает *правильного* их перевода на русский язык. Поэтому я обратилась к исследователю восточных версий «Повести об Акире Премудром» В. М. Лурье¹⁷ с вопросом, какое словосочетание в

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913. С. 10—11.

¹⁶ А. Д. Григорьев был серьезным ученым, и если он действительно не знал восточных языков, то, без сомнения, пользовался консультацией специалистов-востоковедов. Исследование А. Д. Григорьева «Повесть об Акире Премудром» охватывает историю этого сюжета с момента его образования в ассиро-вавилонской литературе, с привлечением источников из арамейской, сирийской, арабской, греческой, армянской и славянской версий. Критики, изучавшие данный труд Григорьева, отмечали необычайную точность и скрупулезность его работы. Она была защищена в 1913 г. в качестве магистерской диссертации и в том же году, по отзыву академика В. М. Истрина, удостоена малой Ломоносовской премии. См.: Басаргина Е. Ю. Ломоносовская премия — первая государственная премия в России (1865—1918): Справочник-путеводитель. СПб., 2012 (Серия «Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки». Вып. 2). См. также очерк, посвященный А. Д. Григорьеву как фольклористу: Иванова Т. Г. А. Д. Григорьев: (применение методов изучения древнерусской литературы в фольклористике) // Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках: Е. В. Аничков, А. В. Марков, Б. М. и Ю. М. Соколовы, А. Д. Григорьев, В. Н. Андерсон, Д. К. Зеленин, Н. Е. Ончуков, О. Э. Озаровская. СПб., 1993. С. 86—120.

¹⁷ См., в частности: Basil Lourie. The Syriac Aḩiqar, Its Slavonic Version, and the Relics of the Three Youths in Babylon [=Лурье В. М. Си-

¹¹ Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 445.

¹² См.: «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. Т. 1. С. 29.

¹³ Повесть об Акире Премудром / подгот. текста, пер., коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2016. Т. 3. С. 28.

сирийском, армянском и арабском текстах соответствует словосочетанию древнерусского перевода *одѣхъ ѿ бѣбромъ и брачиномъ*. И вот какой ответ от него был получен:

«Славянская и армянская версии восходят к таким сирийским редакциям, которые существенно древнее сохранившихся только на сирийском.

В сирийском: *ܩܘܢܝܒܪܐ ܩܘܢܝܒܪܐ* = «виссоном и пурпуром» (одевал его). Виссон — это тот самый семитский термин, из которого греческое βύσσος. «Тонкое полотно» у А. Д. Григорьева — это, видимо, от *finelinen*, как часто переводят на английский «виссон» и как это в переводе Конибера¹⁸.

Армянская версия: *բիւնդու եւ ծիրաւիսի* = «виссоном и пурпуром» (одевал его); *բիւնդ* = виссон, м. б. муслин, но греческое соответствие — виссон; *ծիրաւիսի* = пурпур или одежда из пурпура.

Арабская версия сильно модифицирует текст; от нее зависит тот сирийский, который переводил Nau¹⁹. В арабской и зависимых от нее (на новоассирийских диалектах) вместо виссона появляется шелк. В арабском: *والكسوة الحريرة والارجوان والقرمز* = «одежды шелковые, и пурпур, и кармин» (кармин — нечто красное, «кармаз»)»²⁰.

Большинство исследователей полагают, что древнеславянский перевод «Повести об Акире» был осуществлен с сирийского; А. А. Мартиросян доказывал близость славянского текста к

рийский «Ахикар», его славянская версия и мощи трех Отроков Вавилонских] // *Slověne*. 2013. № 2. С. 64—117. Автор статьи считает, что славянский перевод «Ахикара» — «Повести об Акире Премудром» — был выполнен в Болгарии с сирийского оригинала, тогда как первоначальная христианская (сирийская) редакция текста была создана в конце V в.

¹⁸ Издание Ф. К. Конибера, о котором идет речь: Conybeare F. C., Harris J. R., Lewis A. S. *The Story of Ah. ik. ar from the Aramaic, Syriac, Arabic, Armenian, Ethiopic, Old Turkish, Greek and Slavonic Version*, 2nd ed. enlarged and corrected, Cambridge, 1913.

¹⁹ Издание Ф. Но, которое упоминает В. М. Лурье: Nau F. *Histoire et Sagesse d'Ahikar l'Assyrien (fi ls d'Anael, neveu de Tobie). Traduction des versions syriaques avec les principales differences des versions arabes, armenienne, grecque, neosyriaque, slave et roumaine* (= Documents pour l'étude de la Bible. Apocryphes de l'Ancien Testament), Paris, 1909.

²⁰ Выражаю глубокую благодарность Вадиму Мироновичу Лурье за эти ценные сообщения.

армянской версии Повести²¹. И в том и в другом случае словом *бѣбръ* славянский переводчик передал слово «виссон» своего сирийского оригинала.

II. Могло ли слово *бѣбръ*, известное по переводным древнерусским памятникам XI—XII вв., быть употреблено в «Слове о полку Игореве»?

Е. В. Барсов еще в 1887 г. указал на определенное сходство фразеологии «Истории Иудейской войны» и «Слова о полку Игореве»²². Он опубликовал длинный ряд сопоставлений, отметив, что «Слово...» носит на себе печать стиля той же литературно-повествовательной школы Киевской дружинной Руси, к которой относится и перевод Флавия»²³. Последующие исследователи «Слова...» с его точкой зрения согласились, хотя и далеко не все приведенные Барсовым примеры признали одинаково убедительными. Проверив и уточнив примеры Барсова, на правомерность таких сопоставлений указал В. Н. Перетц, который особо выделил любовь авторов обоих произведений к знаменям, вещим снам, «героическим речам»²⁴.

Исследователь и публикатор «Истории Иудейской войны» Н. А. Мещерский распенил как наименее спорные сопоставления фрагментов этого памятника с начальной частью текста «Слова...»²⁵. Сюда относятся: «*истягну умъ крѣпостию своею*» («Слово...»)»²⁶ — «*и приемъ умъ своею крѣпостию, и ста крѣпко*

²¹ О разных точках зрения см.: Творогов О. В. Повесть об Акире Премудром // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 343—345.

²² Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. 213—272.

²³ Там же. С. 272.

²⁴ Перетц В. Н. Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Київ, 1926. С. 144 и след.

²⁵ Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе... С. 104—105. Цитаты, приводимые Н. А. Мещерским из «Истории Иудейской войны», и его отсылки к номерам книг, глав и частей проверены по тексту, изданному Мещерским, и уточнены.

²⁶ Текст «Слова о полку Игореве» здесь и далее цитируется по изданию: Слово о полку Игореве / Сост., подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Л.: Советский писатель, 1967. С. 43—66. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.)

исполчився» («История...», кн. IV, гл. I, ч. 5); «наплзвився ратнаго духа» («Слово...») — «всеи вои исполнишася духа браннаго» («История...», кн. III, гл. X, ч. 3); «подъ шеломы възлелгяны, коонец копия възскрмлени» («Слово...») — «под шеломом състаревшеся» («История...», кн. IV, гл. X, ч. 3). Могут быть сопоставлены и некоторые образные сравнения в обоих текстах: «Итти дождю стрглами» («Слово...») — «И стрглы на них лгтаху, яко дождь» («История...», кн. IV, гл. VII, ч. 5); «снопы стелють головами» («Слово...») — «И бысть видгти падающа жиды, акы снопы, со забрал» («История...», кн. III, гл. VII, ч. 22). Н. А. Мещерский предложил, кроме того, свои собственные сопоставления. И что особенно важно — одно из приведенных им сопоставлений касается именно Плача Ярославны, в котором, по мнению И. Лемешкина, не может быть книжной лексики: «Известное место плача Ярославны “Въ полгъ безводнгъ жаждею имь лучи съпряже” может быть сопоставлено с выражением “Истории...”: «мы немощни и слаби есмы противитися римляном, якоже и лукъ сопряженъ» (кн. II, гл. IX, ч. 3)²⁷. Идейную и стилистическую параллель к изречению Бояна о Всеславе Полоцком, приведенную автором «Слова о полку Игореве»: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю (пытыцу? — Л. С.) горазду суда божиа не минути!», Н. А. Мещерский указывает в «Истории...»: «Но обаче не възможно челоуком суда убгжати, аще не промыслать» (кн. VI, гл. V, ч. 4) и «лукавство же не можетъ убгжати от божиа суда и ярости» (кн. VII, гл. II, ч. 2)²⁸.

Можно указать также на то, что смерть на поле брани называется «судом» и в «Истории...», и в «Слове...». В «Исто-

²⁷ Н. А. Мещерский поясняет: «Это ... сопоставление ускользнуло от внимания Барсова и других исследователей вследствие того, что они пользовались “отдельным” текстом древнерусского “Иосифа”, где в соответствующем месте стоит: “яко и лукъ напряженъ”. Здесь текст явно испорчен. Он противоречит общему смыслу всего высказывания (“Лук напряжен” — это не признак слабости, а наоборот, признак силы и боевой готовности, как и в “Слове о полку Игореве”. Выражение же “лукъ сопряженъ” обозначает бессилие)». См.: Там же. С. 105. Виленский и Архивский списки, дающие текст правильный и соответствующий смыслу всего высказывания в целом, до Н. А. Мещерского не привлекались исследователями языка и стиля «Слова о полку Игореве».

²⁸ Там же. С. 113.

рии...»: «И ингъмь встгъмь оружиемъ и руками одолгваше ему, но суд пргдасть его» (кн. VI, гл. II, ч. 10). В «Слове...»: «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на Канину зелену наполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя». Постоянно в переводе «Истории...» встречается слово «честь» в полном соответствии с понятием феодальной чести, например: «Оттуду же бысть Антипатрови служба цесарьская и чьсть от встгх» (кн. I, гл. X, ч. 5). Это соответствует «Слову...», где лексема «честь» также используется в полном соответствии с понятием феодальной чести: «...ищучи себе чти, а князю славгъ». И в «Истории...» (неоднократно), и в «Слове...» употребляется слово «вазнь» — удача, счастье. Фразу «Истории...» «И лггле смьртъ славну взяти, негли жити плгнени» (кн. IV, гл. IV, ч. 3) можно сопоставить с фразой из речи князя Игоря в «Слове...»: «Луце жь бы потяту быти, неже полонену быти».

Как видим, в этот ряд вполне органично вписывается и параллель со словом «бебрянь». В «Истории...»: «Стоаху же без оружиа въ ризах бебрянях, вгнчани дафиньи» (кн. VII, гл. 5, ч. 4); в «Слове...»: «... омочю бебрянь рукавъ въ Каялгъ ргцигъ, утру князю кровавыя его раны...».

Н. А. Мещерский на основании этих параллелей не сомневался, что автор «Слова о полку Игореве» был знаком с «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Приведенные примеры подтверждают органичность слова *бебрянь* в «Слове...», а раз так, то предлагаемая И. Лемешкиным конъектура неоправданна и должна быть отклонена. Никак нельзя согласиться с И. Лемешкиным в том, что «для серьезных сомнений в подлинности *бебрянь* *‘бобровый’ достаточно уже одного того, что непосредственно перед Словом находилась (в Мусин-Пушкинском сборнике. — Л. С.) “Повесть об Акире Премудром”, где применительно к одежде употреблены словоформы *бебромъ* и *беберъ*» (с. 60). Напротив, использование этих слов в переводных книжных памятниках XII в. подтверждает его органичность и в оригинальном литературном произведении того же времени — «Слове о полку Игореве», в котором широко используются фольклорные мотивы, образы, эпитеты, но они при этом переосмыслены автором, используются им свободно, в отличие от консервативной поэтики фольклорных произведений. В «Слове...» в качестве субжанров использованы разные жанры

фольклора, но само «Слово...» нельзя причислить ни к одному из них, в том числе и к жанру былин.

На этом ответ И. Лемешкину можно было бы и завершить, однако дальнейшие рассуждения исследователя представляют интерес с методологической точки зрения, поэтому проанализируем поиск им того слова, которое, по его мнению, было заменено переписчиком Мусин-Пушкинского сборника на слово *бобрьянь*.

* * *

Итак, по мнению И. Лемешкина, на месте словосочетания *бобрьянь рукавъ* в авторском тексте «Слова о полку Игореве» стояло словосочетание *верчень (берчатъ) рукавъ*. Словосочетания *верчен рукав* и *берчат рукав* И. Лемешкин нашел в двух литературных пересказах былины о Михаиле Потыке, известных в списках XVIII в. (в записях былин этого эпизода нет). См.:

РГБ, собр. П. А. Овчинникова,
№ 522, 1738 г.

И Лебедь Белая снимает с правой руки *берчат рукав* и завивает Михаилу очи ясные, и ударила ничь рукою: «Лежи ты, Михаила Поток Ивановичь, во чистом поле каменем». И Михаилу вес окаменел (Былины в записях и пересказах... № 36. С. 169)²⁹.

Какой из вариантов — *берчат* или *верчен* — восходит к рукописному протографу, по мнению И. Лемешкина, установить

ГИМ, собр. И. Е. Забелина,
№ 536, конец XVIII в.

И Лебедь Белая снимает с своей руки *верчен рукав* и завивает Михаилу сонному ясны очи, ударила ево как рукою: Лежи, Михаила, в чистом поле белым каменем. И Михаила окаменел (Былины в записях и пересказах... № 38. С. 179)³⁰.

²⁹ Этот пересказ былины о Михаиле Потыке впервые опубликован в статье: *Евгеньева А. П.* Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потыке // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 483—496. Словосочетание «берчатъ рукавъ» на с. 490.

³⁰ Этот пересказ былины о Михаиле Потыке впервые опубликован в статье: *Соколов Б. М.* Былины старинной записи (Семь неизданных текстов) // Этнография. М., 1926. № 1—2. С. 97—123; текст былины «Сказание о трех богатырях...» из собр. И. Е. Забелина (здесь указан старый номер рукописи — № 82) на с. 115—123; словосочетание *верчень рукавъ* на с. 120.

невозможно. И все же он исходит из приоритета слова «верчен»: «Определение *берчат* может функционировать как легитимный синоним слова *верчен*» (с. 50—51). Исследователь попытался палеографически обосновать «цепочку шагов», якобы приведших к искажению первоначального *верчень* в *бобрьянь* (с. 54—55, 60). Преобразование *верчень* в *бобрьянь*, по словам исследователя, «находит потенциальное объяснение в кириллической палеографии: *вѣрнѣ → вѣрнѣ → вѣрнѣ (*v)нѣ». Однако эти палеографические реконструкции не выглядят хоть сколько-нибудь убедительными.

Определению *верчен* (от слова *вертеть*) на основании другой былины (о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче) приписывается значение «намотанный, (на-/за)крученный», на том основании, что объект (камешек, буйная голова) *заворачивается* рукавом³¹ (этот фрагмент былины будет подробнее рассмотрен далее). При этом автор вынужден признать, что в былине о Михаиле Потыке словосочетание *верчен рукав* использовано препозиционно: Лебедь Белая снимает со своей руки *верчен рукав* (хотя в него ничего не заверчено/завернуто!) и «завивает»³² Михаилу сонному «ясны очи». Это несоответствие контекста былины о Михаиле Потыке приписанному значению слова *верчен* никак не объясняется в статье. Как видим, значение слова *верчен* определяется крайне произвольно.

Ошибочно и утверждение, что «словоформы *берчат*—*верчен* образовывали устойчивую пару, что вело к замещению иници-

³¹ В былине «Добрыня Никитич и Алеша Попович» Добрыня, жалуюсь на свою долю, говорит матери: лучше «породила ... ты бы беленьким горячим меня камешком, завернула... в тонкольняный было белый во рукавичек ... и спустила меня в Черное бы море во Турецкое». По мнению И. Лемешкина, и в этой былине читалось выражение «верчен рукав»; реконструкция фрагмента выглядит следующим образом: *«Ты зачем меня несчастного спородила? / Породила бы меня бел-горючим камешком, / Завернула в белый во рукавичек / И спустила бы *вверчен рукавичек* во сине море» (С. 52). Местоимение «меня» произвольно заменяется И. Лемешкиным на «*верчен рукавичек*».

³² В пересказе былины о Михаиле Потыке из собр. БАН 26.8.41, сер. XVIII в. в сходном эпизоде вместо слова «завивает» читается слово «завязывает»: «И лебедь белая ... завязала ему очи ясные и ударила ево ничь рукою: «Лежи ты де, Михайло, в чистом поле под белым каменем»» (См.: *Евгеньева А. П.* Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потыке. С. 496).

альной согласной. См.: “Садили за столы-те за дубовые, / И за те ли скатертки *верчатые*”³³» (с. 54). Исследователь ошибочно отождествляет слова *верчат(ые)* и *верчен*. При этом игнорируется тот факт, что определение *верчатый* (а не *верчен!*) употреблен в данном случае по отношению к скатерти. Выходит, она тоже — *намотанная, (на-/за)крученная?* Значение «эпитета» *берчат* определяется И. Лемешкиным как ‘узорный, узорчатый’. При этом оба слова, *берчат* и *верчен*, по мнению И. Лемешкина, «с большой степенью вероятия обозначают определенный вид рукава, а именно — съемный, накладной (т. е. декоративный, внешний, находящийся поверх иного) рукав женского платья» (с. 54). Откуда это следует? Как, с одной стороны, ‘*намотанный, (на-/за)крученный*’, а с другой стороны, ‘*узорный, узорчатый*’ рукав превратился в «*съемный, накладной, внешний*»? Это значение И. Лемешкин произвольно приписывает определениям *верчен* и *бербран*, вероятно, на основании того, что льняной тонкий беленький рукав в былинах мыслится *съемным* (в него заворачивают камешек, им завязывают глаза богатырю).

И. Лемешкин предполагает при этом, что съемный рукав был *длинным* (ср. рубахи-долгорукавки). Эпитеты *верчен* и *берчат* обозначали, по его мнению, *длинный* (до 150–200 см) съемный (пришитый на живую нитку) рукав, который при необходимости можно было легко сорвать с плеча и использовать в качестве платка-полотенца. Откуда же известно, что *съемный* «*верчен* рукав» был еще и *длинным*? Вероятно, это предположение И. Лемешкин делает, исходя из того, что рукав должен быть *длинным*, чтобы его можно было *намотать, (на-/за)крутить*. Посчитав, что *верчен* рукав — это рукав так называемой «рубахи-долгорукавки», И. Лемешкин делает вывод, что «слово-сочетание *верчень рукавъ* может обозначать также конкретный способ ношения длинного рукава, т. е. ‘широкий длинный рукав за-/об-вернутый вокруг руки’», и что «помимо этого (или одновременно с этим), *верчень рукавъ* может обозначать ритуальное действие — ‘длинный рукав, которым *вертят*, машут, вращают

во время обряда’. <...> Отглагольное *верчень* (← *вертеть*) в комбинации с рукавом может выступать эквивалентом “плакальной рубахи” — *маховки* (← гл. *махать*)» (с. 56).

По мнению И. Лемешкина, в русских былинах «рукав женского платья изображен как самостоятельный предмет одежды (в функциональном плане исполняющий роль полотенца) и назван (в древнейшей и целиком сохранившейся записи былины) при помощи краткого причастия *верчен* (семантический альтернант: *берчат*). Былинный *верчен рукав* отражает характеристические особенности древнего костюма, в частности специфику кроя и ношения/использования рукава в домонгольский период» (с. 60).

Признавая, что археологические памятники не подтверждают существования в Киевской Руси съемного рукава, И. Лемешкин ссылается на западноевропейскую моду романского периода, описанную в работе И. Ц. Болдано: «В Средние века появились рукава, напоминающие современный втачной, они еще не пришивались к одежде, а привязывались или приметывались на живую нитку. В XII–XV вв., и даже позже, верхние рукава представляли собой отдельный, богато декорированный предмет одежды. Такие рукава носили с разным платьем, они могли входить в состав приданого или быть дорогим подарком. Во время турнира рыцарь мог прикрепить рукав возлюбленной к шлему или воспользоваться им в качестве знамени»³⁴.

Подчеркнем, что речь здесь идет об особом, верхнем рукаве, представлявшем собой *отдельный, богато декорированный* предмет одежды. Он был *дорогим* подарком и *входил в состав приданого*. Могли ли этим рукавом при необходимости пользоваться как платком или полотенцем, срывая его с плеча? Совершенно очевидно также, что этот «верхний» западноевропейский рукав нельзя отождествлять с длинным рукавом ритуальной праздничной рубахи древнерусского костюма, дожившим до XX в. Нет никаких свидетельств того, что в рубахах-долгорукавках рукав был съемным. В народных рубахах-долгорукавках XIX в. рукав обычный: втачной или цельнокроеный³⁵. А главное — рубахи-долгорукавки были не повседневной, а ритуальной одеждой для

³³ См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск: Карелия, 1989–1991. Т. 2. С. 479. № 197 [О Дюке Степановиче]. Далее ссылки на это издание приводятся нами в тексте статьи с использованием условного обозначения *Рыбн.* и указанием номера, под которым опубликована былина, в круглых скобках.

³⁴ Балдано И. Ц. Мода XX века: Энциклопедия. М., 2002. С. 316.

³⁵ См. рубахи-долгорукавки с разной длиной рукава в альбомах: 1) Русский народный костюм: Из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. Л., 1984; 2) Русский народный костюм: Го-

особых случаев: как рубахи-долгорукавки, в которых девушки плясали на русальных игрищах (см. вкл. с. 8)³⁶, так и народные свадебные рубахи-долгорукавки, которые назывались «убивальницами», «плакальницами» или «махавками», так как невеста в свадебную неделю перед венцом, прощаясь с родными, причитала («убивалась»), размахивая длинными рукавами такой рубахи³⁷.

Гипотеза И. Лемешкина, с моей точки зрения, не может быть принята. Ошибка сделана исследователем уже на первом этапе. Попробуем разобраться в значениях слова *верчень* и его «легитимного синонима» (с. 51), «семантического альтернанта» (с. 60) — словоформы *берчатъ*, которая якобы «требует проверки и дополнительных уточнений» (с. 55).

Слово *берчатый*, почему-то смущающее И. Лемешкина, широко известно в былинах. Оно встречается в разных вариантах: *берчатый*³⁸, *бирчатый*³⁹, *бер(ь)чатый*⁴⁰, *берчатный* (берцатный)⁴¹,

сударственный Исторический музей. М., 1989. См. также в интернете по поиску: рубахи-долгорукавки.

³⁶ Сцена женского танца на русальной неделе в рубахе-долгорукавке изображена на русальских серебряных браслетах-наручах (см. о них: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 714—721). По всей видимости, танец именно на русальной неделе изображен и в Радзивилловской летописи (см.: Радзивилловская летопись: В 2 т. Т. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб., М.; 1994. Л. 6 об.).

³⁷ Тазихина Л. В. Север европейской части РСФСР (Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Пермская, Вятская, Петербургская губернии) // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.). М., 1971. С. 133; Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 168.

³⁸ «Заходили за столы да за дубовые, За те же за скатерти берчатые» См.: Сорок калик со каликою // Былины. М.: Сов. Россия, 1988. С. 471. (Б-ка русского фольклора; Т. 1).

³⁹ «Становили они да дубовы столы, / Сляли они скатерти бирчатые». См.: Свод русского фольклора: Былины: В 25 томах. Т. 7: Былины Пинеги. СПб.; М., 2012. С. 304. № 48, стих 58; толкование слова на с. 801 («Словарь архаических, диалектных выражений»).

⁴⁰ «Заходили за столы да за дубовые, / А за те же за скатерти берчатые». См.: Там же. Т. 6: Былины Кулея. СПб.; М., 2011. С. 376. № 70, стих 112; толкование слова на с. 743 («Словарь архаических, диалектных выражений»).

⁴¹ «... и за те же за скатерти берчатныя». См.: Там же. Т. 5: Былины Мезени. СПб.; М., 2006. № 153, стих 87; «...как розослали скатёрки да

*перчатый*⁴², *верчатый*⁴³ и др. Все эти слова обозначают изделие из льняной белой домотканой ткани, вытканной с узором, — узорчатое, браное⁴⁴. *Берчатый* — постоянный эпитет к слову «скатерть» в былинах. Он употребляется также по отношению к полотенцу⁴⁵, ручному платку, поясу, по́логу. Слово *берчатый* (первоначально *берчатый*) образовано, по мнению В. И. Даля, от слова *бердо*, на ткацком станке это — род широкого гребня, прибывающего уток⁴⁶. Наряду со словом *берчатые* в былинах в том же значении использовалось слово *браные*⁴⁷ (одно из значений слова *брати* — ткать узорами)⁴⁸.

Что же касается слова *верчень*, то это — явная ошибка писца второй половины XVIII в., который неверно прочитал слово *верчатъ* (рукав), употребленное в его протографе в том же значении, что и слово *берчатъ* в записи того же времени (вторая

все берцатныя». См.: Там же. № 97, стих 17; толкование слов на с. 269 («Словарь: Архаические, диалектные и другие малопонятные слова и выражения»).

⁴² «А розбила столы да все дубовые, / Рострёпала все скатерти перчатые». См.: Там же. Т. 7: Былины Пинеги. СПб.; М., 2012. С. 152. № 14, стих 136; толкование слова на с. 754 («Словарь архаических, диалектных выражений»).

⁴³ «Садилы за столы-те за дубовые / И за те ли скатертки верчатые». (Рыбн. Т. 2. № 29, стих 27). «Верчатый — см. браный. Скатерти верчатые» (Рыбников П. Н. Объяснение непонятных и областных слов, встречающихся в сборнике // Там же. Т. 3. Приложения. С. 290).

⁴⁴ «Берчатый (*берчат рукав*) — узорчатый». См.: Словарь устарелых, диалектных и других малопонятных слов // Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л., 1960. С. 307. (Памятники рус. фольклора); «Берчатая скатерть — браная, то есть узорная». См.: Словарь // Былины. М.: Сов. Россия, 1988. С. 555. (Б-ка русского фольклора; Т. 1). «Берчатый, прил. Узорчатый». См.: СЛРЯ XI — XVII вв. Вып. 1. С. 148.

⁴⁵ Берчатое полотенце. «На кушаке у него с левой стороны висит нож для разрезывания кушанья, наперед *берчатое полотенце* и пистолет». Южн.Сиб., 1848 (Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1995. Вып. 29. С. 121).

⁴⁶ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. Изд. 4-е. М.: Изд-во «Русский язык», 1978. Т. 1. С. 81—82.

⁴⁷ «Сажает его за столы дубовые, / За скатерти браные». См.: Свод русского фольклора. Былины. В 25 томах; Т. 7: Былины Пинеги. СПб.; М., 2012. С. 541. № 170, стих 100; толкование слова на с. 801 («Словарь архаических, диалектных выражений»).

⁴⁸ СЛРЯ XI—XVII вв. Вып. 1. С. 321.

половина XVIII в.) другого варианта той же былины о Михаиле Потыке. Обе записи, судя по ошибкам в них, восходят, по мнению А. П. Евгеньевой, к общему протографу⁴⁹. Словарь русского языка XI—XVII вв. приводит слово *верченый* со значениями: 1) Жареный на вертеле. 2) Легкомысленный, ветреный⁵⁰.

Таким образом, *берчатъ* (вариант: *верчатъ*, от него ошибочное *верченъ*) в былинах — это постоянный эпитет изделия (чаще всего скатерти, а также полотенца, ручного платка) из узорно-тканого льняного полотна. Следовательно, утверждение И. Лемешкина о том, что в былинах и в «Слове о полку Игореве» *верчат / берчат* рукав означает съемный длинный рукав, который можно было сорвать с плеча и использовать в качестве платка-полотенца, не выдерживает критики. Мы должны вернуться к установленному Н. А. Мещерским факту, что *бебрянь рукавъ* в «Слове о полку Игореве» — это шелковый рукав.

Вовсе не случайно, что именно *шелковым* рукавом утирает Ярославна раны Игорю. В сербских и болгарских песнях именно при помощи шелковых предметов (платков) утирали и перевязывали раны героям. Примеры привел Ф. Я. Прийма [Прийма:7]⁵¹:

Сербские народные песни

«*А кад вид'ла Хайкуна ђевојка, она сними свилена јаглука*⁵²; *њиме покри Рада по очима а да друге не виде ђевојке*». («Мали Радојица»)⁵³

Перевод на русский язык

«*Как увидела Хайкуна-девица, она сняла шелковый платок; им покрыла очи Раду, чтоб не видели другие девицы*».

Речь в песне идет о том, что Хайкуна пытается скрыть от отца и других турок, что притворяющийся мертвым юнак Радойца жив. Когда он, увидев среди танцующих девиц Хайкуну, подмигнул ей, она прикрыла его глаза платочком.

⁴⁹ *Евгеньева А. П.* Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потыке. С. 485.

⁵⁰ СлРЯ XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 106.

⁵¹ Цитаты из сербских песен проверены и уточнены автором статьи. На русский язык цитаты перевела Жанна Леонидовна Левшина, за что выражаем ей глубокую благодарность.

⁵² Как пояснила Ж. Л. Левшина в письме ко мне, «яглык» может означать и платок, и платочек, обычно с вышивкой.

⁵³ Српске народne пјесме / Скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Друго издање. Београд, 1958. Књ. 3. С. 367, стихи 91—94.

Сербские народные песни

«*А узима мараме од свиле, па увеза Драшку ране љуте*». («Драшко Поповић и Гришац Осман-ага»)⁵⁴

«*Из крџви га мало извадила, па га брише свиленим јаглуком, а љуби га међу очи чарне*». («Женидба Плетикосе Павла»)⁵⁵

Перевод на русский язык

«*Брала платки шелковые, перевязала Драшковы люты раны*».

«*Из крови она его приподняла, утирает шелковым платочком и целует его очи черны*».

Натуральный шелк использовался для перевязки ран не случайно. Шелковая ткань настолько гладкая и нежная, что не раздражает даже чувствительную кожу. Она отличается большой гигроскопичностью, *очень хорошо впитывает влагу* (до 30% своего веса), при этом остается на ощупь сухой⁵⁶. Ей свойственна *высокая воздухопроницаемость, обеспечивающая телу возможность дышать*. Полагают, что натуральный шелк устойчив к бактериям и отлично помогает процессу регенерации кожи⁵⁷.

Итак, вопрос со словом *бебрянь* можно считать решенным. Но вот что означает слово *рукавъ* в рассмотренных былинных выражениях «берчатъ рукавъ» и в выражении «бебрянь рукавъ» «Слова о полку Игореве»? Ответ на этот вопрос мы предложили в другой статье⁵⁸.

⁵⁴ Там же. Књ. 4. С. 61, стихи 99—100.

⁵⁵ Там же. Књ. 3. С. 502, стихи 113—115.

⁵⁶ См., например: *Нечаенко Е.* Одежда для здоровья: какие ткани полезно носить, а какие — наоборот // Аргументы и факты. Здоровье. № 15. 08.04.2010. URL: <http://www.aif.ru/health/life/17327> (дата просмотра: 18.06.2019).

⁵⁷ «...известно, что натуральный шелк способствует оздоровлению и омоложению кожи. Неслучайно у женщин, работающих с шелковым волокном, очень нежная кожа рук. Весь секрет в содержащемся в этой роскошной ткани белке фибрине, который удерживает в семь раз больше влаги, нежели другие увлажняющие компоненты». Там же.

⁵⁸ *Соколова Л. В.* Каким «рукавом» утирала Ярославна кровавые раны Игоря (к вопросу о поэтике «Слова о полку Игореве») // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 7—41.; То же в кн.: Филология как призвание: сборник статей к юбилею профессора Владимира Николаевича Захарова / Отв. редакторы А. В. Пигин, И. С. Андрианова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 259—290.